ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

УДК 911.37; 314.728

РОЛЬ МИГРАЦИИ В УСИЛЕНИИ КОНТРАСТОВ РАССЕЛЕНИЯ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ В РОССИИ

© 2016 г. Л.Б. Карачурина, Н.В. Мкртчян

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Москва, Россия e-mail: likaratc@mail.ru, mkrtchan2002@rambler.ru

Поступила в редакцию 08.02.2016 г.

В статье анализируется миграционный баланс населения городских округов и муниципальных районов России в 2012–2014 гг. с позиций его влияния на процессы концентрации и деконцентрации населения. Рассмотрены общее распределение муниципальных образований данного уровня по показателю плотности населения, современное соотношение слабо- и плотно заселенных территорий в масштабах всей страны. Расчеты показывают, что в современных российских условиях усиливается концентрация населения, соответственно, и поляризация пространства между плотно заселенными крупнейшими городами и пустынными территориями слабоосвоенной зоны. В отличие от многих европейских стран и США, где на протяжении нескольких десятилетий процессы концентрации и деконцентрации населения сменяют друг друга, в России концентрация населения продолжается. В работе проанализированы два направления миграционного движения населения: 1) из внутрирегиональной периферии в центры — чем дальше от центров, тем отток интенсивнее; 2) из муниципальных образований с низкой плотностью населения в плотно заселенные территории, прежде всего в крупные города. Оценена роль отдельных потоков миграции (внутри-, межрегиональных и международных) в процессе концентрации и деконцентрации населения.

Ключевые слова: муниципальные образования, концентрация и деконцентрация населения, миграция населения, внутренняя миграция, центр, периферия, система расселения.

Введение. В России вопросу распределения населения по территории страны традиционно уделялось немало внимания. Колонизация и последующее "удержание" территории рассматривались в числе важнейших проблем внутренней политики. Казалось бы, в XX в. были достигнуты немалые успехи в заселении восточных и северных окраин: вдоль Транссибирской магистрали протянулась пусть тонкая и местами прерывистая, но все же полоса сравнительно плотного расселения, в высоких широтах возникли города, аналогов которым по размеру в других странах со схожим климатом нет. Однако в центральных районах страны, освоенных уже много столетий, заселенность территории оставалась существенно ниже, чем в европейских странах, расстояния между городами – больше, трение пространства – сильнее.

Большую роль в динамике расселения населения по территории страны, помимо пространственных различий в процессах его естественного воспроизводства, всегда играла миграция. Долгое время в ходе урбанизации она способствовала

концентрации населения в городах, прежде всего в крупных, хотя в первой половине 1990-х годов этот процесс временно прервался или, по крайней мере, резко умерил свою мощь [6, с. 151]. Но уже в нынешнем столетии концентрация населения вновь усиливается. Она проявляется в миграции в региональные столицы, почти в каждом регионе идет достаточно устойчивый рост доли населения, проживающего в центрах и "пристоличных" территориях [14]. Одновременно прервался процесс заселения северных и восточных окраин, потоки миграции повернули вспять, результатом чего стало быстрое сокращение населения многих регионов севера и востока страны. Накладываясь друг на друга, перетоки населения на макро- и мезоуровнях ведут к сжатию освоенного пространства России [22, 23], не просто к стягиванию населения в староосвоенную часть страны, но к концентрации на небольшой территории, в отдельных точках, или ареалах.

Изученность вопроса. Многогранность происходящих расселенческих процессов способствова-

ла их изучению с разных позиций. Помимо редких комплексных исследований [6] ведутся работы, фокусирующие внимание на местах концентрации населения: например, в столичном регионе [4, 16, 39], в сравнительном аспекте – в крупных городах и их агломерациях [3, 10]. Значителен массив исследований, посвященных, напротив, изучению мест оттока населения, его демографических и расселенческих последствий, сжатию обжитого пространства [1, 8, 9, 22, 25]. Имеются работы, рассматривающие динамику численности населения с точки зрения центро-периферийных взаимодействий на уровне муниципальных образований [13, 40]. Есть попытки объяснения концентрации населения с общеэкономических (агломерирование как метод снижения издержек) позиций [38, 44] и деконцентрации – с позиций социального взаимодействия, поиска личного пространства и изменения траекторий мобильности на жизненном пути [30, 33, 34], цены земельных участков для ведения хозяйственной деятельности [31]. Наконец, в широком смысле резюмирующей здесь выступает урбанизационная теория, постулирующая наличие этапности в расселении и, соответственно, стадийности концентрации и деконцентрации [24, 37, 46]. В условиях достигнутого демографического равновесия и снижения дифференциации естественных демографических процессов роль миграции в расселенческих процессах играет решающую роль.

Исследования Champion [31], Stillwell и coaвторов [48], Katus и соавторов [41], Sander [47] и других исследователей для развитых европейских стран и США прямо или косвенно увязывали перераспределение населения (периоды его концентрации в городах сменяются ростом пригородных и периферийных зон и наоборот) – под воздействием внутренней миграции населения определенных возрастов - с плотностью населения территорий. Так, анализируя результаты переписи населения Великобритании 2011 г., Lomax и соавторы [42] пришли к выводу, что мировой финансовый кризис, безработица и замедление на британском рынке недвижимости способствовали миграционному повороту в сторону Лондона и падению числа мигрантов, двигающихся из районов с высокой плотностью в сельские районы. В восточной части Германии (после воссоединения) миграция с востока на запад в 1990-е годы сопровождалась оттоком населения из крупных городов в пригородные зоны, что вело к его деконцентрации и именно так позиционировалось в исследованиях [47].

Методология и источники данных. Вплоть до последнего времени влияние миграции на про-

цессы расселения на уровне административных районов России и отдельных городов областного (краевого, республиканского) подчинения, а ныне – муниципальных образований (МО) соответствующего уровня - применительно ко всей территории страны, а не ее отдельным выбранным регионам, было невозможно изучать ввиду отсутствия доступных данных текущего учета миграционных событий. С появлением соответствующих новых источников (База данных муниципальных образований, размещенная на сайте Росстата) такая возможность возникла. При всех объективных недостатках системы регистрационного учета переселений, главный из которых заключается в недоучете всех форм временной мобильности населения, это - единственный источник сплошного статистического наблюдения за социально-пространственными процессами на территории страны, которым не стоит пренебрегать. К тому же в 2011 г. произошли серьезные изменения методики учета миграции в России – данные стали собираться и обрабатываться как по зарегистрированным по месту жительства (так было и раньше), так и по зарегистрированным по месту пребывания на срок свыше 9 месяцев (новое), что привело не только к росту учитываемой миграции, но и более полному учету отдельных потоков миграции 1, например, миграции молодежи.

Цель данной работы заключается в анализе роли миграционного перетока населения между МО России с разной плотностью населения, что позволит оценить влияние миграции на контрасты расселения и заселенности территории современной России. До сих пор мы могли в масштабах страны говорить только о воздействии миграции на концентрацию/деконцентрацию населения на региональном уровне, теперь появилась возможность проанализировать, что происходит в более крупном масштабе.

Плотность населения — чрезвычайно простая и в то же время информативная мера оценивания территориальных различий в заселенности. Она широко используется как прокси-переменная для выделения городских и сельских территорий [41, 48]. Так, в работе Lomax и соавторов [42] по Великобритании в условиях отсутствия единой классификации для разных частей страны именно показатель плотности населения был использован для деления районов на сельские — с плотностью от 8 до 474 чел./км² (38%) и городские — с плотностью от 457 до 13102 чел./км² (62%) и дальнейшего анализа концентрации или деконцентрации населения.

¹ Подробнее см.: [20, с. 309–317].

Кроме показателя плотности для анализа пространственного распределения населения в разное время применялись индекс Джини [45], коэффициент заселенности Гувера [43]. Колебания этих коэффициентов, выявленные для длинных ретроспектив на разных территориальных уровнях, свидетельствуют о глубинных сдвигах в расселении, в доминирующих в те или иные периоды в сознании людей и общества в целом представлениях о "правильных", удобных местах для жизни.

Представляется, что в качестве индикатора освоенности территории плотность населения 2 можно использовать и применительно к России. Низкая плотность населения может служить и барьером развития территорий, как для 40% сельского населения даже в более заселенной европейской части страны. Т.Г. Нефедовой [21] доказано, что плотность населения меньше 10 чел./км² сильно ограничивает возможности ведения коллективного сельского хозяйства. Еще большие проблемы подобная плотность вызывает для большинства других видов деятельности. Как известно, низкой плотности населения почти всегда сопутствуют малая насыщенность инфраструктурой, соответственно, высокие издержки перемещения и хозяйственной деятельности, и наоборот. Таким образом, плотность населения - показатель, характеризующий критически важные особенности заселенности территории как для развития экономической базы поселений, так и для обеспечения повседневной жизни населения.

Мы имеем возможность сопоставить миграцию в сравнительно плотно-, средне- и слабозаселенные территории, расположенные в разных частях страны, анализировать как стыкуются - применительно к направлениям миграции - параметры плотности населения и положения МО на оси центр-периферия в пределах каждого региона. Мы предполагали, что: 1) ареалы с низкой плотностью населения - вне зависимости от положения по отношению к центру региона и от конкретной региональной привязки - теряют население; 2) положение МО (центральное или периферийное) внутри регионов также сильно влияет на баланс миграции. Плотность населения и положение в центро-периферийной системе связаны между собой, по сути, они характеризуют контрастность расселения; мы поставили задачу их раздельного рассмотрения.

В качестве показателей для анализа использованы:

- миграционный прирост населения (в абсолютных величинах и в виде коэффициентов на 1000 человек населения) по городским округам и муниципальным районам, а также по двум федеральным городам (Москве и Санкт-Петербургу) за 2012–2014 гг. по потокам (с выделением внутрирегиональной, межрегиональной и международной миграции). По большинству регионов в используемой базе данных МО содержится информация за все анализируемые годы, по некоторым - только за один (два региона) или два (восемь регионов) года в данном временном промежутке. Были рассчитаны годовые показатели в среднем за 2012-2014 гг. Если параметры за какой-то год отсутствовали, анализировались показатели за имеющиеся годы. Кроме того, в базе данных МО не содержится информации о миграционном приросте в республиках Дагестан, Тыва и Чукотском АО, а также по закрытым МО (около 1.2 млн человек). Эти территории с суммарной численностью 4.5 млн человек были исключены из рассмотрения;

численность населения и площадь территорий MO, на основании которых рассчитывались показатели плотности населения:

– удаленность центров МО от региональных центров (км), взятая из [26] и дополненная информацией из открытых интернет-источников для учета произошедших с советского времени административно-территориальных преобразований, изменения дорожной сети и т.п. В данной работе все расстояния измеряются по отношению к центру своего региона, несмотря на то, что он может быть не самым близким крупным городом. Также не учитывается положение по отношению к крупным городам – не столицам.

Общее число городских округов и муниципальных районов, включеных в рассмотрение,— 2220 единиц (сюда же включены, как указано выше, и два федеральных города, рассматриваемых каждый как единое целое). Всего в РФ территорий данного уровня насчитывалось на начало 2014 г. 2338 единиц. В отдельных случаях анализировались территории регионов освоенной и слабоосвоенной зон — по аналогии с тем, как это сделано в типологии регионов Независимого института социальной политики³: границей разделения типов регионов служит средняя плотность населения, равная 10 чел./км².

² Конечно, показатель плотности населения не является достаточным критерием оценки заселенности территории, ее характеризуют также густотой городской сети и другими характеристиками (подробнее см. [27]).

³ Социальный атлас российских регионов: http://www.socpol.ru/maps/2 3 lamap.gif.

Основные результаты. Группировка МО в зависимости от плотности населения и положения в центро-периферийной системе. Россия – страна огромная, со значительными вариациями в заселенности территории, хотя и не самая контрастная: даже самые северные территории России не так безлюдны, как северные районы Канады [28]. Эти контрасты сказываются на размерах и заселенности анализируемых нами МО: самые редконаселенные муниципальные районы имеют плотность менее 0.1 чел./км², самые плотнозаселенные городские округа – свыше 10 тыс. чел./км². В освоенной зоне средняя плотность населения в городских округах и муниципальных районах, включенных нами в рассмотрение, составляет 32, а в слабоосвоенной -1.5 чел./км².

На огромной, фактически безлюдной территории, занимающей почти треть территории страны (табл. 1), проживают немногим более 2 млн человек. На противоположном полюсе, менее чем на 0.2% территории размещаются 62 млн человек. Подобные расчеты для выявления недостаточности населения по крупным макрорегионам страны производил А.И. Трейвиш [28], но он делал оценки по регионам, а не по МО, и использовать приводимые им в этой работе пороги средней плотности населения представляется не вполне верным. Мы имеем дело с контрастами плотности двух уровней: между отдельными регионами страны и внутри каждого из них — по линии центр — внутрирегиональная периферия.

Региональные центры занимают всего 0.22% территории страны, но концентрируют 40% населения. Если к ним добавить ближайшие ("пристоличные") районы (с центром в региональной столице), площадь увеличивается до 1.7% территории, население – до 42% (табл. 2). В условной 4 50-километровой доступности от региональных центров сосредоточено 5% территории страны и 53% населения. Таким образом, более половины российского населения живет на плотно населенной территории поблизости от центров, имея потенциальные возможности для удовлетворения своих потребностей если не у себя "дома", то в ежедневной транспортной доступности. Учитывая топологию российской транспортной сети, риски и издержки переезда на постоянное место жительства и общую организацию социального пространства, можно предполагать, что мобильность этой части населения может найти свое выражение в первую очередь в маятниковых формах.

Таблица 1. Доля муниципальных образований с разной плотностью населения в их общем числе занимаемой плошали и численности населения России в 2012 г. %

Плотность населения в МО, чел./км ²	Число МО	Территория	Числен- ность населения	
менее 1 1-5 5-10 10-20 20-50 50-100 100-500 500-1000 1000-2000 более 2000	6.42 16.48 18.90 21.42 14.19 4.80 5.39 4.36 4.63 3.41	63.72 18.10 7.77 5.80 3.14 0.89 0.32 0.09 0.10 0.07	1.54 4.91 6.50 9.44 10.90 7.21 7.29 7.61 16.44 28.16	
Итого	100.00	100.00	100.00	

Рассчитано по: База данных МО, Росстат.

Для домохозяйств они сейчас — наименее рисковая, затратная и, в конечном счете, эластичная форма мобильности. По логике, помогать ей на государственном уровне должны инвестиции в дорожную инфраструктуру, стимулирование гибких трудовых графиков и пр.

На расстояние свыше 500 км от своего регионального центра отодвинуты всего 7% МО, но они концентрируют 54% территории и 2.7% населения. Очевидно, что устройство жизни здесь в основном имеет почти независимый от распределения государственных благ "островной" характер. "На очень значительных территориях ни мест, ни местного населения в точном смысле просто нет. То и другое просто не успело сформироваться в ходе экстенсивного освоения новых территорий", — пишет В.Л. Каганский, очевидно, имея в виду подобные территории [12, с. 106].

Из табл. 2 следует, что основная часть населения проживает в зоне с плотностью свыше 1000 чел./км². Такая плотность, по мнению А. И. Трейвиша, близка к предельной емкости поселенческих сред обитания [28]; в современных российских условиях она свойственна крупным городам. Здесь, однако, немало исключений, связанных с не вполне внятными принципами формирования городских округов - в некоторые из них включены значительные незастроенные и незаселенные территории. В результате городские округа с крупным городом в качестве центра могут иметь и меньшую плотность населения. Примеры – Калуга, где городской округ включает почти 16 тыс. сельского населения с соответствующей территорией (по меркам Нечерноземья – целый муни-

Условной – потому что удаленность района рассчитывалась по удаленности его центра (при этом часть территории района может быть удалена и на большее расстояние).

Плотность населения, чел./ κ м ²		Удаленность от регионального центра, км					
	Всего населения	Центр и "пристоличный" район	до 50	51–100	101–300	301–500	более 500
менее 1 1-10	1.53 11.42	0.03 0.27	0.02 0.48	0.02 1.50	0.30 5.75	0.30 2.29	0.86 1.13
10-100	27.56	1.57	5.44	6.50	12.10	1.70	0.25
100-1000	14.9	4.01	3.11	1.59	4.35	1.40	0.44
более 1000	44.59	35.71	2.42	2.43	3.02	0.96	0.05
Итого	100.00	41.59	11.47	12.04	25.52	6.65	2.73

Таблица 2. Распределение населения муниципальных образований в зависимости от их удаленности от центров регионов и плотности населения в 2012 г.,%

Рассчитано по: База данных МО, Росстат.

ципальный район), Оренбург (16 тыс.), Барнаул (46 тыс.). Лишь немногим свыше 1000 чел./км² имеет Краснодар с 87 тыс. сельского населения. Всего в городские округа на основе региональных центров включено около 600 тыс. сельского населения.

В "пристоличных" районах проживает сравнительно небольшое число горожан – менее 200 тыс., и 2.2 млн сельского населения. Горожан могло бы быть и больше, но, видимо, в ходе расширения территории региональных столиц именно ближайшие поселки с городским населением были присоединены к городским округам.

Кроме региональных центров высокой плотностью населения часто отличаются МО в пределах крупногородских агломераций. Лидируют по данному показателю городские округа самого ближнего Подмосковья, фактически спальные районы столицы — Реутов, Королев, Железнодорожный, Подольск. По мере удаления от Москвы стимулов для МО иметь плотную застройку существенно меньше — дешевле земля, и новое жилищное строительство не приносит таких доходов. А население, покупающее жилье в городах-спутниках, взвешивая выгоды и издержки проживания в них, по сути, выражает согласие со скученностью и ее последствиями, связанными с проживанием в новых спальных районах.

Население региональных центров и их 50-километрового окружения на 89% — городское, на 11% — сельское. Получается, что без учета трех регионов (Дагестана, Тывы и Чукотского АО) в 50-километровой близости от региональных центров проживают 8.6 млн сельского населения — четверть от всей его численности. Для такой страны, как Россия, где многие регионы по площади превосходят средние европейские стра-

ны, это тоже свидетельствует о высокой "базовой" концентрации населения вблизи центров.

Дальше 50 км от региональных центров МО с плотностью населения выше 1000 чел./км² представлены почти исключительно городскими округами освоенной части страны, причем сформированными как на основе крупных городов (Таганрог, Рыбинск, Тольятти, Стерлитамак, Череповец, Пятигорск, Набережные Челны, Новокузнецк, Магнитогорск и др.), так и отдельных средних и малых городов. Это – 70 периферийных МО; в них проживает 6.5% населения России.

К противоположному полюсу — на расстоянии свыше 300 км от центров регионов и с плотностью населения менее 10 чел./км² — относятся 14% МО, им принадлежит 66% территории (без учета Чукотского АО, если добавить данный регион, то доля территории возрастает до почти 68%), однако здесь проживает менее 5% россиян (6.3 млн человек). Из них 46% — городские жители (чаще всего это малые города или пгт — Каргополь, Змеиногорск, Чердынь), 54% — сельские. Но и такие расстояния, и такая плотность населения для России — еще не предел.

Стоит оговориться, что наличие слабозаселенных территорий в освоенной зоне зачастую связано с особенностями нарезки МО: это могут быть муниципальные районы, центр которых образует самостоятельный городской округ (Котельнич, Мантурово, даже такие крупные города, как Череповец или Тобольск). Другие располагаются на периферии зоны, в горных ее частях (Северный Кавказ). Но и кроме них в освоенной части страны немало МО с низкой плотностью населения, которая практически не встречается в Европе. В неосвоенной зоне такие территории абсолютно преобладают, как на севере Канады или Аляске.

Однако, двигаясь дальше, даже из этой малонаселенной российской глубинки можно вычленить поистине "медвежьи углы". Их образуют МО, удаленные от региональных центров более чем на 500 км и с плотностью населения менее 1 чел./км². Таких менее 90 единиц, но они занимают половину площади страны. На этих необъятных просторах, превосходящих по площади Австралийский союз, живет 1.2 млн человек, половина из которых – горожане по формальному статусу населенных пунктов. В реальности в подобных глухих территориях существовать, полагаясь только на городские занятия и привычки, всегда было невозможно. Нужда и система ценностей таковы, что, в отличие от крупных городов, здесь по В. Л. Каганскому [11, с. 251], доминирует работа с вещами (производство, натуральное хозяйство), "везде в глубинке (в селах, малых и средних городах) это – необходимость выживания" [12, с. 102].

В целом, крайне малая плотность населения, конечно, не дает возможности для сколько-нибудь комплексного развития этих территорий и комфортного бытия их жителей, но свидетельствует о присутствии населения на огромной территории страны. Поневоле вспоминается Н. Бердяев: "Огромные пространства легко давались русскому народу, но не легко давалась ему организация этих пространств в величайшее в мире государство, поддержание и охранение порядка в нем"5.

Расселенческая картина, однако, не статична, ниже мы рассмотрим, как меняется или может меняться она под действием миграции.

Миграционный баланс и плотность населения. Если рассматривать всю миграцию (и внутристрановую, и международную), регионы, имеющие в 2012-2014 гг. в среднем за год миграционный прирост населения, занимали 34% площади страны, в них проживало 59% россиян. При этом все без исключения регионы России имели положительный баланс международной миграции. Во внутристрановой миграции прирост наблюдался в меньшем числе регионов, охватывающих только 16% территории России с 41% населения. Самым общим образом охарактеризовать роль миграции на региональном уровне можно именно этими цифрами, и они означают, что миграция способствует концентрации населения на сравнительно небольшой по площади, но более плотно населенной части страны. Примерно таким было соотношение принимающих и отдающих регионов и все 2000-е годы.

На муниципальном уровне суммарный положительный баланс миграции имело каждое четвертое МО. Они занимают немногим более 5% всей территории, но концентрируют те же 59% населения. Если взять только результаты внутристрановой миграции, то число МО с положительной нетто-миграцией уменьшается до 18%, их суммарная площадь сжимается до 3.6% территории, а население сокращается до 54%.

На уровне отдельных поселений расселенческие процессы еще более контрастны, как на примере трех районов Московской области убедительно показано в работе Г.В. Иоффе и Ж.А. Зайончковской [39]. На районно-окружном уровне получается, что положительный миграционный баланс в регионах создается всего несколькими МО, обладающими положительным балансом миграции; в остальных МО этих же регионов наблюдается миграционная убыль. Например, в Воронежской области, имеющей миграционный прирост за счет внутрироссийской миграции, только 7 из 34 МО имеют миграционный прирост; в Татарстане — 7 из 47, в Челябинской — 5 из 44, в Тюменской — в 4 из 26 и т.д.

Группировка МО одновременно по показателю плотности населения и параметрам миграции показывает, что нетто-миграция по всем потокам, кроме международной, имеет четко выраженную связь с заселенностью: чем разреженнее территория, тем чаще она испытывает отток, и наоборот (табл. 3).

Более пристального рассмотрения, на наш взгляд, заслуживает межрегиональная миграция, в результате которой плотно заселенные MO (500–2000 чел./км²) испытывают миграционный отток. Каковы его причины? Дело в том, что в этой группе находится много городских округов, сформированных на основе региональных центров и других крупных городов, расположенных в азиатской части страны, испытывающей отток населения в результате западного дрейфа, а кроме того, и других городов, теряющих население в обмене с более успешными центрами. Общий же баланс миграции у них положительный: не только за счет международной миграции, но и благодаря притоку из других МО своих же регионов. Таковы Барнаул, Курган, Новокузнецк, Владивосток, Волгоград, Ульяновск, Чебоксары. Миграция из своих регионов в них замещает отток населения в Новосибирск, Москву и другие наиболее привлекательные центры.

Баланс межрегиональной миграции на уровне МО показывает четкую иерархию городских округов и муниципальных районов. Лидеры в этом

⁵ Цит. по: Бердяев Н. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. М.: Философское общество СССР, 1990. 240 с.

Таблица 3. Среднегодовая нетто-миграция по потокам в МО с разной плотностью населения, 2012-2014 гг.

Плотность		В том числе:					
населения в МО,	Всего	в пределах	из нее				
чел./км²		России	внутрирегиональная**	межрегиональная	- международная		
		Тыс. человек					
более 2000	326.9	242.7	66.0	176.7	84.2		
1000-2000	125.2	82.1	89.2	-7.1	43.1		
500-1000	35.3	4.3	27.5	-23.2	31.0		
100-500	40.0	19.6	2.8	16.8	20.4		
50-100	57.6	33.8	12.9	20.9	23.8		
20-50	2.1	-34.3	-19.3	-15.0	36.4		
10-20	-60.0	-87.9	-49.7	-38.2	27.9		
5–10	-72.4	-83.6	-49.1	-34.5	11.2		
1–5	-89.5	-95.5	-56.8	-38.7	6.0		
менее 1	-37.7	-40.0	-23.7	-16.3	2.3		
Всего*	327.5	41.2	-0.2	41.4	286.3		
	Человек на 1000 населения						
более 2000 1000–2000	8.4 5.5	6.2 3.6	1.7 3.9	4.5 -0.3	2.2 1.9		
500–1000	3.3	0.4	2.6	-0.3 -2.2	2.9		
100–500	3.9	1.9	0.3	1.7	2.0		
50–100	5.7	3.4	1.3	2.1	2.4		
20–50	0.1	-2.3	-1.3 -1.3	-1.0	2.4		
10–20	-4.6	-2.3 -6.7	-3.8	-2.9	2.1		
5–10	- 8 .0	-0.7 -9.3	-5.5	-3.8	1.2		
1-5	-3.0 -13.1	-14.0	-8.3	-5.7	0.9		
менее 1	-17.6	-14.0 -18.7	-6.5 -11.1	-3.7 -7.6	1.1		

Примечание. * Баланс внутристрановой миграции не равен нулю, так как отсутствуют данные по Дагестану, Тыве, Чукотскому АО и ЗАТО.

Рассчитано по: База данных МО, Росстат.

рейтинге по абсолютным значениям миграционного прироста – Москва и Санкт-Петербург. А далее – Всеволожский муниципальный район Ленинградской области, который получил миграционный прирост больший (повторимся, в абсолютных значениях), чем Новосибирск (4 место). Городской округ Балашиха прирастает за счет миграции сильнее, чем Краснодар; городской округ Подольск и Люберецкий район Московской области поодиночке опережают Екатеринбург. Таким образом, вверху рейтинга отдельные города и муниципальные районы Московской и Ленинградской областей чередуются с городами-миллионерами. По показателю же интенсивности миграционного прироста эти довольно скромные по численности населения МО пристоличных областей опережают города-миллионеры в разы. Сейчас развитие двух крупнейших в стране агломераций достигло той стадии, когда ближайшие к ядрам агломераций города притягивают население более интенсивно, чем сами ядра [19]; этот процесс А. Г. Махрова [15] охарактеризовала как "врастание Москвы в ближнее Подмосковье".

Исходя из расчетов, плотность населения в 50 чел./км² служит границей положительного и отрицательного баланса миграции МО, но границей зыбкой и весьма условной. Выше нее, как правило, преобладает миграционный прирост, ниже – чаще всего убыль. В то же время есть ряд городских округов с плотностью более 50 чел./км², имеющих отрицательный миграционный баланс, которые либо не выдерживают миграционной конкуренции с соседями (Тула, Димитровград, Камышин), либо расположены в целом в зоне оттока населения (Мурманск, Комсомольск-на-Амуре, Братск). Напротив, плотность населения ниже 50 чел./км² (в том числе из-за специфичной нарезки их границ) может сочетаться с миграционным приростом. Таковы, например, муниципальные районы,

^{**} Миграция в пределах Москвы и Санкт-Петербурга не учитывается.

Таблица 4. Среднегодовая нетто-миграция по потокам в МО в зависимости от их удаленности от региональных центров, 2012–2014 гг.

Удаленность от		В том числе:				
регионального	Всего	в пределах России	из не	междунороднод		
центра, км			внутрирегиональная**	межрегиональная	международная	
		Тыс. человек				
Центр	475.3	340.5	205.9	134.6	134.8	
1–25	98.8	79.7	27.9	51.8	19.1	
26-50	48.7	29.2	7.3	21.9	19.5	
51-75	4.2	-15.5	-18.2	2.7	19.7	
76–100	-19.2	-35.4	-25.9	-9.5	16.2	
101-150	-44.1	-70.0	-48.6	-21.4	25.9	
151-200	-39.3	-55.2	-33.5	-21.7	15.9	
201-300	-78.3	-95.2	-53.6	-41.6	16.9	
301-400	-43.7	-51.9	-25.1	-26.8	8.2	
400-500	-20.8	-26.5	-12.5	-14.0	5.7	
более 500	-54.1	-58.5	-23.9	-34.6	4.4	
Всего*	327.5	41.2	-0.2	41.4	286.3	
			На 1000 населения			
Центр	8.2	5.9	3.6	2.3	2.3	
1-25	14.3	11.6	4.1	7.5	2.8	
26-50	5.4	3.2	0.8	2.4	2.2	
51-75	0.5	-1.8	-2.1	0.3	2.2	
76–100	-2.4	-4.5	-3.3	-1.2	2.1	
101-150	-3.2	-5.0	-3.5	-1.5	1.8	
151-200	-4.5	-6.2	-3.8	-2.4	1.8	
201-300	-6.2	-7.6	-4.3	-3.3	1.3	
301-400	-7.0	-8.2	-4.0	-4.3	1.3	
400-500	-7.1	-9.0	-4.2	-4.7	1.9	
более 500	-14.3	-15.5	-6.3	-9.1	1.2	

Примечание. * Баланс внутристрановой миграции не равен нулю, так как отсутствуют данные по Дагестану, Тыве, Чукотскому АО и ЗАТО,

Рассчитано по: База данных МО, Росстат.

имеющие "хороших" соседей, которые распространяют свою миграционную привлекательность и на них — это "пристоличные" районы (Курский, Смоленский, Азовский, Тосненский, Иволгинский, Оренбургский). Пожалуй, это преимущество — центральное положение — единственное весомое основание получения миграционного прироста.

Международная миграция почти одинаково (по интенсивности) пополняет МО с разной плотностью населения. Международные мигранты, как и российские, тоже стремятся в крупные города, но зачастую вынуждены выбрать местом регистрации в лучшем случае их пригороды или глухие периферийные районы, где несложно купить домик не для проживания, а для регистрации, да и решить иные вопросы бюрократического плана дешевле.

Так как в целом территории с плотностью населения 10–20 чел./км² теряют население в результате миграции, число МО и общая площадь терри-

тории с низкой заселенностью (ниже 10 чел./км²) увеличивается, продолжая тенденции прошлого века [6, с. 298–301]. Миграция при этом идет параллельно с депопуляцией, усиливая ее (из-за более интенсивного оттока молодежи) и делая необратимой на обширных пространствах.

Центро-периферийный градиент и баланс миграции. В предыдущих работах [17, 18] уже говорилось о влиянии положения МО в системе центр—периферия на миграционный баланс, поэтому здесь мы рассмотрим этот вопрос не столь детально. Из табл. 4 видно, что прирост во внутрироссийской миграции сменяется оттоком уже на расстоянии свыше 50 км от региональных центров. Убыль нарастает по мере удаления от центров, причем за счет всех составляющих суммарного баланса миграции.

Самая ближняя к центрам зона растет благодаря миграции быстрее, чем МО, формирующее

^{**} Миграция в пределах Москвы и Санкт-Петербурга не учитывается.

ядро, о чем уже говорилось выше. Это происходит за счет крупнейших агломераций - Московской и Санкт-Петербургской, где в реальности их центры давно вышли за свои административные границы. В других агломерациях данный процесс пока не приобрел таких форм, однако в Ростовской агломерации Батайск, Новочеркасск, Мясниковский и Аксайский муниципальные районы пополняются мигрантами интенсивнее, чем сам Ростов-на-Дону. Аналогично в Казанской агломерации Зеленодольский, Пестречинский и Лаишевский районы растут быстрее Казани. Иркутский район сильно опережает в росте ядро, и даже Улан-Удэ активно формирует пригороды, что описано в исследованиях [5, 7]. Но в Екатеринбургской агломерации вблизи регионального центра баланс миграции держится около нулевого уровня, вокруг Нижнего Новгорода и Новосибирска – не превосходит по интенсивности приток в эти центры. Несмотря на громкие планы по созданию агломерации, нет роста и вокруг Красноярска. Притягательной силы многих центров хватает только на "пристоличный" район. Но даже если пригородное население не увеличивается в абсолютных размерах, вокруг городских округов, формируемых крупными городами, на фоне общей депопуляции и деградации сельской местности [2] происходит относительная концентрация уменьшающегося сельского населения.

В наиболее удаленных от региональных центров МО – почти сплошной миграционный отток. Редкие исключения связаны либо с крупными городами (Магнитогорск, Новокузнецк), либо с нефтегазовыми городами (Нижневартовск, Когалым, Сургут – к тому же они существенно крупнее и экономически мощнее регионального центра ХМАО-Югры), либо с курортными зонами (Туапсинский район). Во всех них миграционный прирост есть, но он невелик.

Как уже говорилось выше, заселенность российских регионов снижается по мере удаления от столиц, и миграционные процессы этому немало способствуют. Синхронный переход кривых на рис. 1 от положительных значений к отрицательным по мере удаления от центров демонстрирует связь с положением в системе центр—периферия, а размах кривых — с плотностью населения.

В более генерализованном виде четко выделяются два главных полюса, между которыми осуществляется перераспределение населения во внутрироссийской миграции (рис. 2). Основной переток населения происходит из МО с плотностью менее 50 чел./км², удаленных от центров более чем на 100 км, в МО с плотностью насе-

ления свыше 50 чел./км² и удаленных от центров не более чем на 50 км. Расчеты показывают, что в 2012–2014 гг. ежегодно в данном направлении перераспределялось около 450 тыс. человек.

Заключение и обсуждение. Совместный анализ взаимосвязи двух компонент пространственного положения МО (плотности населения и удаленности от региональных центров) с их миграционным балансом показывает следующее.

1. Без учета удаленности от региональных центров разница в показателе миграционного прироста (убыли) между группой наиболее плотно и наименее плотно заселенных МО составляет 15-20 чел. на 1000 населения (см. рис. 2Б, по оси Z). Например, это разница между крупным центром (городским округом) и граничащим с ним непосредственно "пристоличным" слабозаселенным муниципальным районом с сельским населением. Надо понимать, что в реальности подобная разница может наблюдаться редко, далеко не во всяком регионе, так как ни в центральных частях регионов, ни на глухой внутрирегиональной периферии эти виды МО обычно не соседствуют. Так, в освоенной зоне непосредственно вокруг региональных центров практически нет МО с плотностью населения менее 10 чел./км². Подобное сочетание встречается только в регионах, имеющих большие площади слабозаселенных территорий, например в ХМАО, Архангельской или Мурманской областях. На внутрирегиональной периферии, напротив, редко встречаются плотно населенные МО. Изредка они могут быть представлены малыми городами или пгт, выделенными в отдельные городские округа с небольшой по площади территорией (Муравленко, Лангепас, Коряжма). Здесь мы видим в очищенном виде связь миграции с общей заселенностью территории, прежде всего - макроположением МО, и влияние миграции на усиление контрастов плотности населения.

2. Независимо от дифференциации плотности населения разница в интенсивности миграционного прироста (убыли) между МО, принадлежащими региональному центру и находящимися на самой удаленной от него внутрирегиональной периферии, составляет 10–25 чел. на 1000 населения (см. рис. 2Б, ось X). Такого типа контрасты (по линии центр—периферия) довольно часты и повсеместны. Примеры их мы можем найти буквально в каждом регионе страны. Здесь видна связь миграции с положением во внутрирегиональной системе центр—периферия, или мезоположением МО, также влияющая на усиление контрастности расселения.

Другое дело, что миграция влияет одновременно и на центро-периферийные контрасты, усили-

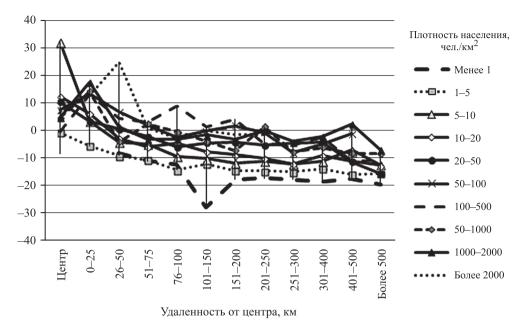

Рис. 1. Нетто-миграция населения МО в зависимости от плотности населения и удаленности от центров регионов, в среднем за год в 2012–2014 гг., чел. на 1000 населения (прерывистость линии "менее 1" связана с отсутствием МО с соответствующей плотностью населения). *Источник*: База данных МО, Росстат.

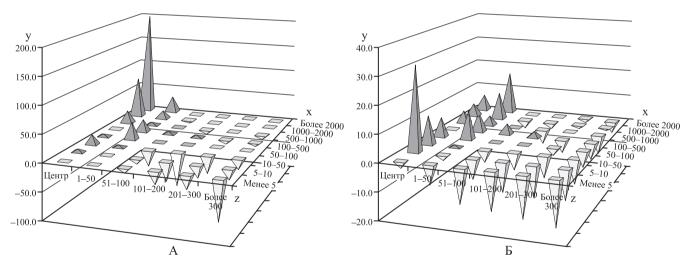

Рис. 2. Внутрироссийская нетто-миграция населения (ось у) по МО в зависимости от плотности населения (ось х) в них и удаленности от центров регионов (ось z), в среднем за год в 2012–2014 гг.: А – тыс. человек, Б – чел. на 1000 населения. *Источник*: База данных МО, Росстат.

вая их, и на контрасты в заселенности территории, выраженные плотностью, что трудно разделить, поскольку они тесно взаимосвязаны. Но, как следует из расчетов, миграция усиливает их в равной мере, это подтверждает верность выдвинутых гипотез.

Разница в миграционном балансе (на 1000 населения) между противоположными группами МО (расположенными в непосредственной близости — менее 50 км — от регионального центра и в слабозаселенной крайней периферии) порой превышает

30 на тысячу населения. Например, это усредненная разница между миграционно привлекательным центром и слабозаселенным сельским районом на дальней периферии региона.

Анализ позволяет предположить, что показателем межмуниципальной разницы миграционного баланса, в числе прочих, можно характеризовать темп перетока населения между МО, относящимся к той или иной группе, в данном случае, с учетом направленности перераспределения — темп концентрации населения в России. Иными словами,

это – один из измерителей темпов сжатия освоенного пространства [22]. Приток за счет международной миграции, который распределяется практически равномерно, на контрасты заселенности практически не влияет.

Население, расселенное по российскому пространству, продолжает концентрироваться в отдельных его узлах. И масштабы этого процесса значительны: ежегодно слабозаселенная периферия теряет около 0.5 млн человек, которые перемещаются в сторону экономически более жизнеспособных мест – крупных городов и их пригородов. Стягивание населения, безусловно, не безгранично, оно лимитировано снизу нынешней - уже сильно сократившейся – численностью населения периферии, его структурой, потенциалом мобильности. Лимита сверху, порождаемого городами и нормами их заселенности, на наш взгляд, пока не видно. Города, так или иначе, заинтересованы в новых людях и притоке населения. Проблемы скученности и экологического нормирования. даже там, где они есть, - не основные в перечне городских управленческих задач, и население явно отдает приоритет не им. Если бы было иначе, люди не стремились бы селиться в пригородах, в многоэтажных домах, и крупнейшие российские города не расползались бы масляным пятном за пределы своих уже много раз передвинутых границ.

В отличие от большинства плотнозаселенных европейских стран, стадии деконцентрации, обусловленной стремлениями горожан жить менее скученно, более комфортно, Россия, по сути, не знала. Она испытала колонизацию, переселения в Сибирь и на Дальний Восток (вызванные, в том числе, теснотой и сельским малоземельем), освоение северных территорий под воздействием государственных решений, проектов и задач стратегической важности. С одной стороны, возможно, время таких самостоятельных стремлений еще не пришло - например, описывая деконцентрацию населения, происходившую в восточногерманских землях в 1990-е годы и стихшую сейчас, Sander [47] указывает, что она была вызвана длительным периодом сдерживания при социализме и, кроме того, открывшимися финансовыми возможностями для реализации желаний. Если первое (возможность выезда) у россиян имеется, то со вторым (финансы) проблем больше. Кроме того, характер обустроенности территорий зачастую таков, что отпугивает потенциально мобильное население от переселений и требует гораздо большего, чем в европейских странах, личного финансового участия и безграничной инициативы в решении бытовых проблем. С другой стороны, россияне массово имеют дачи и деревенские дома [29], доставшиеся им от родственников, и при желании могут отдыхать от городских проблем там. При этом социально-экономические выгоды (диверсифицированные рынки труда, сравнительно высокие доходы, стандарты качества жизни, разнообразие досуга), предоставляемые городами, в условиях поляризации пространства, сейчас, возможно, выше, чем раньше, а риски безработицы, неполучения социальных услуг — медицинской помощи и даже стандартного школьного образования — в городах устойчиво ниже, чем на дальней разреженной периферии.

Таким образом, складывается противоречащая западным урбанизационным схемам картина: общий тренд на движение к крупным городам (назовем его "макроконцентрация") накладывается на обусловленное финансовыми затруднениями и особенностями пространства движение в многоэтажно застраиваемый агломерационный пояс этих городов ("локальная деконцентрация"). При этом структурная — возрастная, половая, с детьми и без них — селекция в мобильности и векторах переезда придает поляризации пространства дополнительное звучание и, по-видимому, в общем виде близка к тому, что описывается для европейских стран [32, 35, 36]. Но это — предмет специального изучения.

Благодарность. Работа выполнена в рамках Программы Президиума РАН (проект 3.4. Трансформация населенного пространства России).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Аверкиева К.В. Сельская местность Нечерноземья: депопуляция и возможные пути адаптации к новым условиям // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / Отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М.: Кодекс, 2013. С. 108–125.
- 2. *Алексеев А.И., Сафронов С.Г.* Изменение сельского расселения в России в конце XX начале XXI века // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2015. № 2. С. 66–76.
- 3. *Аношкина Е.Л.* Развитие социального капитала крупнейших городов России // Рег. иссл. 2013. № 4. С. 48–53.
- 4. *Браде И.*, *Махрова А.Г.*, *Нефедова Т.Г.*, *Трейвиш А.И*. Особенности субурбанизации в Московской агломерации в постсоветский период // Изв. РАН. Сер. геогр. 2013. № 2. С. 19–29. DOI:10.15356/0373-2444-2013-2-19-29
- 5. *Бреславский А.С.* Незапланированные пригороды: Сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ

- в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 192 с.
- 6. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монографический сборник. М.: ОГИ, 2001. 560 с.
- 7. *Григоричев К.В.* В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Оттиск, 2013. 248 с.
- 8. Епифанова А.А., Лухманов Д.Н. Трансформация заселенности сельской местности Центрального Черноземья (1959–2008 гг.) // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М.: Эслан, 2010. С. 153–166.
- 9. *Ефремова В. А.* Проявления "сжатия" во внутренней территориальной структуре малых и средних городов Ивановской области // Трансформация социально-экономического пространства Евразии в постсоветское время. Сб. статей. Т. 1 / Отв. ред. Н. И. Быков и др. Барнаул, 2014. С. 152–161.
- 10. *Зубаревич Н. В.* Развитие и конкуренция крупнейших городов России в периоды экономического роста и кризиса // Рег. иссл. 2010. № 1. С. 45–54.
- 11. *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
- 12. *Каганский В. Л.* Россия СССР сегодня. Сравнительный портрет пространств. Статья 3. Государство РФ и российское пространство // Общественные науки и современность. 2005. № 4. С. 100–112.
- Карачурина Л.Б., Мкрмчян Н.В. Изменение численности населения административных районов и городов России (1989–2010 гг.): центро-периферийные соотношения // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / Отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М.: Кодекс, 2013. С. 82–107.
- 14. Лейзерович Е. Е. Ход концентрации населения в центральных частях субъектов РФ после 1990 года // Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-ресурсные факторы (полимасштабный анализ). Сб. докл. XXV сессии МАРС / Ред. С. С. Артоболевский, Л. М. Синцеров. М.: ИГ РАН, 2008. С. 173—181.
- 15. *Махрова А.Г.* Трансформация расселения в Московском регионе в постсоветский период // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / Отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М.: Кодекс, 2013. С. 245–269.
- 16. Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. М.: Новый хронограф, 2008. 344 с.
- 17. Мкртичн Н.В. Центро-периферийные миграционные взаимодействия в Центральной России // Науч-

- ные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2012. С. 483–498.
- 18. *Мкртичян Н.В.* Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX начале XXI века //Изв. PAH. Сер. геогр. 2013. № 6. С. 19–32.
- 19. *Мкрмчян Н.В.* Миграция в Москве и Московской области: региональные и структурные особенности // Рег. иссл. 2015. № 3. С. 107–116.
- 20. Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2014. 412 с.
- 21. *Нефедова* Т. Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. 408 с.
- 22. Нефедова Т.Г. Сжатие внегородского освоенного пространства России реальность, а не иллюзия // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М.: Институт географии РАН, 2010. С. 128–144.
- 23. *Нефедова Т.Г.* Миграционная аттрактивность городов как индикатор трансформации постсоветского городского пространства России // Наука. Инновации. Технологии. 2014. № 2. С. 106–136.
- 24. *Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Теория дифференциальной урбанизации и иерархия городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 71–87.
- 25. Николаева У.Г., Денисенко М.Б. Сельские сообщества Ближнего Севера: экономические уклады, модели социальных отношений, демографические процессы // Потенциал ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта /Сост. и под ред. Н.Е. Покровского и Т.Г. Нефедовой. М.: Логос, 2014. С. 73–122.
- 26. РСФСР: административно-территориальное деление на 1 января 1986 г. М., 1987.
- 27. Ткаченко А.А., Фомкина А.А., Шаврин В.Н. Районные системы расселения Центральной России // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / Отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М.: Кодекс, 2013. С. 270–288.
- 28. *Трейвиш А. И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.
- 29. *Трейвиш А.И.* "Дачеведение" как наука о втором доме на Западе и в России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2014. № 4. С. 22–32. DOI: 10.15356/0373-2444-2014-4-22-32.
- 30. *Bailey A.J.* Population geography: lifecourse matters // Progress in Human Geography. 2009. No. 33(3). P. 407–418. DOI: 10.1177/0309132508096355
- 31. *Champion A.* Recent Changes in the Pace of Population Deconcentration in Britain // Geoforum. 1987. No. 18:4. P. 379–401.

- 32. Champion T., Coombes M., and Gordon I. How far do England's second-order cities emulate London as human-capital 'escalators'? SERC Discussion Papers, SERCDP0132. Spatial Economics Research Centre (SERC), London School of Economics and Political Science. 2013. 30 p.
- 33. Cooke T. Migration in a family way // Population, Space and Place. 2008. No. 14. P. 255–265. DOI:10.1002/psp.500
- 34. Davies R. and Flowerdew R. Modeling migration careers, using data from a British SUN // Geogr. Analysis. 1992. No. 24. P. 35–57.
- 35. Fielding A.J. Migration and social mobility: South East England as an escalator region // Regional Studies. 1992. No. 26. P. 1–15.
- 36. *Fielding A.J.* Migration and the metropolis: recent research on the causes of migration to southeast England // Progress in Human Geography. 1993. No. 17 (2). P. 195–212. DOI: 10.1177/030913259301700204
- 37. *Geyer H. and Kontuly T.* A theoretical foundation of the concept of differential urbanization // Int. Reg. Sci. Rev. 1993. No. 15 (3). P. 157–177.
- 38. *Glaeser E. L. and Gottlieb J. D.* The wealth of cities: Agglomeration economies and spatial equilibrium in the United States // J. Econ. Lit. 2009. No. 47 (4). P. 983–1028. DOI: 10.1257/jel.47.4.983
- 39. *Ioffe G. and Zayonchkovskaya Zh.* Spatial shifts in the population of Moscow region // Euras. Geogr. Econ. 2011. № 52 (4). P. 543–566.
- 40. *Karachurina L. and Mkrtchyan N.* Population change in the regional centres and internal periphery of the regions in Russia, Ukraine and Belarus over the period of 1990–2000s // Bulletin of Geography. Socioeconomic Series / Szymańska D. and Chodkowska-Miszczuk J. (Eds.). 2015. No. 28. P. 91–111. Toruń: Nicolaus Copernicus University. DOI: http://dx.doi.org/10.1515/bog-2015-0018.

- 41. Katus K., Kupiszewski M., Rees Ph., Sakkeus L., Herm A., and Powell D. Internal migration and regional population dynamics in Europe: Estonia case study // University of Leeds. School of geography. Working paper. 1998. 98/14.
- 42. Lomax N., Stillwell J., Norman P., and Rees P. Internal Migration in the United Kingdom: Analysis of an Estimated Inter-District Time Series, 2001–2011 // Applied Spatial Analysis and Policy. 2011. No. 7. P. 25–45. DOI 10.1007/s12061-013-9098-3
- 43. *Long L. and Nucci A*. The Hoover Index of Population Concentration: A Correction and Update // The Professional Geographer. 1997. No. 49 (4). P. 431–440. DOI: 10.1111/0033–0124.00089
- 44. Partridge M.D., Rickman D.S., Ali K., and Olfert M.R. Lost in space: Population growth in the American hinterlands and small cities // J. Econ. Geogr. 2008. No. 8 (6). P. 727–757. DOI: 10.1093/jeg/lbn038
- 45. *Plane D. A.* and *Rogerson P. A.* The Geographical Analysis of Population: With Applications to Planning and Business. New York: John Wiley and Sons, 1994. 417 p.
- 46. *Richardson H. W.* Polarization reversal in developing countries // Papers of the Regional Science Association. 1980. No. 45. P. 67–85.
- Sander N. Internal Migration in Germany, 1995–2010: New Insights into East-West Migration and Re-urbanisation // Comparative Population Studies. 2014.
 No. 39 (2). P. 217–246. DOI: 10.12765/CPoS-2014-04en
- 48. Stillwell J., Rees P., and Boden P. Internal migration trends: an overview // Migration processes and patterns. Vol. 2: Population redistribution in the United Kingdom / Stillwell J., Rees P., Boden P. (Eds.). London: Belhaven Press. 1992. P. 28–55.

Role of Migration in Enhancing Contrasts of Settlement Pattern at Municipal Level in Russia

L.B. Karachurina and N.V. Mkrtchan

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia e-mail: likaratc@mail.ru, mkrtchan2002@rambler.ru

The paper analyses migration balance in urban districts and municipal districts of Russia in 2012–2014 from the perspective of migration balance impact on concentration and deconcentration of the population. We evaluate the general distribution of the municipal unities of this level across the country taking into account the population density characteristics and current ratio of sparsely and densely populated territories. The results of the analysis demonstrate that in nowadays Russia the concentration of the population is intensifying, thus contributing to the growing gap between densely populated cities and deserted territories of poorly inhabited zone. In contrast to many European countries as well as to the USA, where the processes of concentration and deconcentration of population have been replacing each other during the last several decades, Russia keeps the population concentration trend unchanged. The paper looks at two migration flows: (1) from intra-regional periphery to the center – the outflow intensifies as the distance from the center grows, (2) from municipal units with low population density to densely populated territories, primarily to big cities. We also evaluate the role of certain types of migration (intra-regional, interregional and international) in the process of concentration and deconcentration of the population.

Keywords: municipal districts, concentration of population, deconcentration, migration of population, internal migration, center, periphery, settlement system.

doi:10.15356/0373-2444-2016-5-46-59